

Альберт Горошко
Фантом

18+

Альберт Горошко

ФАНТОМ

*<https://litres.ru/54886473>
SelfPub; 2025*

Аннотация

<p>Фантом (2015) мистическая повесть, исследующая проблематику раздвоения личности и борьбы человека с внутренними демонами. Образ главного героя демонстрирует типичного современного человека, испытывающего кризис самоидентификации. Жанр произведения балансирует между психологической прозой и мистической литературой, создавая напряжённую атмосферу внутреннего конфликта. </p>

Альберт Горошко

Фантом

1

Лавки под навесом отливали казенной синевой и вместе с голубоватым пластиком полупрозрачного ограждения платформы “Лось” пытались восполнить фатальный недостаток неба над головой. Низкие тучи зависли над равнодушно пробегавшей мимо Москвой основательно, как будто и впрямь намеревались раздавить этот огромный, растущий вверх и вширь человеческий муравейник.

Виктор сидел, сунув руки в карманы потрепанной кожанки, втянув голову в поднятый воротник. Тут же на скамейке стояла недопитая банка пива. Пиво грело даже лучше, чем эта тяжелая, с меховой подкладкой куртка, которую они купили с женой на рынке лет десять тому назад. Повсюду – на платформе, на навесе, на соседних лавках кричали суетливые галки, сбитые с толку падавшими с неба крошками снега. Виктор кинул щепоть семечек, но осторожные галки не спешили к нему, отдав все на откуп налетевшей вдруг стайке воробьев. Откуда-то из заснеженного далека нагрянул и пронесся облепленный белой коркой скорый. Рядом, в ногах, привязанная к урне, лежала немецкая овчарка – Кама,

нетерпеливо посвистывавшая носом, то и дело заглядывавшая Виктору в глаза. “Пошли,” – сказал он как-то покорно, как будто самому себе, отвязал поводок и шагнул в тамбур подошедшей электрички.

Дочура месяц назад нашла его возле одного из печальных учреждений, как правило, располагавшихся в тихой лесопарковой зоне, подальше от людского потока. Нашла благодаря Капе – та залаяла на него, припавшего к прутьям забора, похожего на пьяницу, которых так не любят собаки. Залаяла, потом опустила морду и, виляя хвостом, подбежала и стала лизать его холодные ладони.

– Кама, узнала, – ласково пробормотал он охрипшим, не своим голосом. Катерина окликнула собаку, но, как вкопанная, встала и не могла произнести ни слова – она с трудом узнала отца в поломанном силуэте человека в вязаной шапочке, унылым колоколом сползшей на затылок.

– Папка, папка, это ты! – рванулась она и прижалась к нему, уткнувшись лбом в его небритую щеку.

– Катюша, как ты здесь оказалась?

Виктор сквозь пелену слез всматривался в повзрослевшее, как-то вытянувшееся за прошедшие три года лицо дочери.

– Как мать?

Он не мог расслышать, что она отвечала, всхлипывая, и гладил ее собранные в хвостик волосы. Внезапно всплывавшие, как огромные пузыри, воспоминания громоздились в

его голове, обдавали то жаром, то холодом.

2

Когда же все началось? Он задавал себе этот вопрос сейчас, после того, как прожил столько времени в полном одиночестве. Одиночество. Он всегда боялся оставаться один. Когда Вите было четыре года, родители в первый раз отправили его в детский сад. Бабушка уже не справлялась и очень уставала с ним.

Домашний ребенок, теперь он оказался в окружении детей, воспитательниц, нянечек. У него появился свой шкафчик в раздевалке, с фанерной дверцей и ручкой-пимпочкой. Деревянная раскладушка, на которой приходилось коротать тихий час, была хоть и не домом, но единственной возможностью отгородиться от этого непонятного мира, пахнувшего чужой едой, в котором множество незнакомых ему маленьких и больших людей чего-то хотели от него, чего-то не давали ему или норовили обмануть. Витя бродил вдоль забора и смотрел туда, где за деревьями виднелся краешек крыши дома, в котором он так счастливо проводил время с бабушкой и домашними игрушками. В тихий час Витя с головой забирался под одеяло, поднимал краешек, чтобы солнечный луч из окна проникал в его маленькую пещерку, вынимал принесенные из дому стеклянные бусинки из бабушкиных бус, нанизанные на ниточку, как гроздь винограда, под-

ставлял солнцу, и чудные радужные зайчики летели под одеялом. Однажды Ганочкин, самый задиристый из мальчишек, накрыл его подушкой и сел верхом. Началась возня, бусинки упали на пол, их тут же подхватила Апаева – девчонка-сорванец, похуже мальчишки.

– Ой, какие красивенькие! – запищала она тоненьким голоском, и через несколько минут драгоценные бусинки по одной уже светились в других койках, как жемчуг в раковине.

– Отдай, это моё, моей бабушки, – скулил Витя у каждой кровати, но получил назад только три.

Вечером, придя домой, он смотрел в зеркало на свой поцарапанный в борьбе с Ганочкиным нос и, яростно сжимая кулачки, обещал отомстить. “Эх, вот был бы у меня брат-близнец, мы бы показали им всем!” – думал он и жалел, что у него даже нет просто брата, хотя бы старшего.

3

Виктор, нагруженный вязанкой хвороста за спиной, шел к дому, укромно притаившемся на окраине одной из дальних подмосковных деревень, в тени двух старых раскидистых ив. Тяжелые отростки стволов легли на двор, повалив забор, одна ветвь придавила крышу веранды. Линия электропередачи вдоль заросшей травой грунтовки – единственное, что соединяло опустевшую деревню с внешним миром. Трудности

проезда на легковом автомобиле мешали ей превратиться в дачный рай. Две старушки да семейство фермера-энтузиаста, работавшего пока лишь на прокорм своих домочадцев и живности – вот и всё население. В одном месте дорогу пересекал ручей, через который была перекинута пара-тройка бревен – здесь мог пройти только достаточно ловкий человек. Виктор подобрал длинную палку и, упираясь в твердое дно ручья, перешел на другой берег. В своем неказистом жилище он поселился в начале октября, когда спать под открытым небом в парках Москвы стало холодно. Он решил уехать подальше, найдя своеобразную прелесть в сельском одиночестве. Ему уже не так тоскливо будет проводить вечера у теплого очага, глотать кипяток с заваренными ветками малины и говорить с самим собой за жизнь. Ветхое жилище гарантировало крышу над головой на время, пока в дом не нагрянут хозяева. У Виктора появилась возможность обдумать все, что с ним случилось, и составить план возвращения. Нужно было окончательно избавиться от Фантома, иначе Фантом, узнав о его возвращении, сам избавится от него. Добравшись до места, он первым делом пошевелил горку пепла в печи, добыл красный уголек и закурил. Теперь у него работал телефон – Виктор починил проводку и подключил зарядное устройство. Он увидел один единственный пропущенный вызов. Кто это мог его разыскивать? Друзьки? Нет, это был не московский номер. Он позвонил – равнодушный автоответчик сообщил, что набранный номер не су-

шествует. Вдруг он вспомнил одиннадцатизначную комбинацию цифр, как вспоминают забытый маршрут глаза, глядя на виденные один только раз дома и деревья, выискивая знакомый поворот, и дальше ноги несут по дороге так, как будто ходили здесь каждый день.

Это был его отец. Тогда они еще жили в Подольске, в бабушкином доме.

Батя не любил брать его на рыбалку, но мама просила оставить ее дома наедине с уборкой в субботу, и Витек, радостно подпрыгивая на одной ноге через шаг, бежал впереди, поднимая пыль от пупырчатой, промокшей под утренним дождем тропинки.

– Не поломай удочку, – как-то равнодушно осекал его отец, не вынимая папиросы изо рта.

Речка в рогозовых чубах дышала паром, спокойная поверхность воды белела, как молоко. Солнце едва пробивало сплошную туманную пелену, где-то в зарослях копошилась ондатра. Небольшой вытоптаный рыбаками пяточок с двумя рогатками был свободен. Пустая консервная банка и молочный пакет валялись в сторонке, Витя пнул их ногой в траву.

Батя уже давно закинул удочку, а у него намотался такой узел, что пришлось обрезать и налаживать новую снасть.

– Эх ты, рыбак! – сквозь зубы упрекал отец, откусывая кусочек грузила.

Витя виновато улыбался, держа двумя руками второе ко-

лено удочки, коробок с червями и двухлитровую банку.

К полудню у отца битком набивался пакет красноперой плотвички, бравшей, казалось не на хлеб, а на его тень – Витя всерьез думал, что рыба сама шла на удочку к папе. Он же любовался двумя-тремя пескариками, пойманными со дна и посаженными в банку вместе с куском элодеи.

– Пап, а давай купим лодку?

– Мотай удочку, смотри, опять запутал, – так же равнодушно отвечал отец, пропустив лодку мимо ушей.

“Эх, был бы у меня брат, мы бы сколотили с ним плот и отправились в путешествие” – мечтал Витя, плетясь позади отца, шумно и широко шагавшего в резиновых сапогах к дому.

4

– Батя, привет, это я, – ответил он дрогнувшим баритоном на хриплое “да?” так хорошо знакомого ему голоса на том конце телефона. – Я нет, не дома... Как ты, как Мария Павловна?

Когда мама умерла, батя погоревал недолго и женился на молоденькой машинистке из своего отдела. “Что было, то было, а жить надо”, – объяснял он сыну. Выйдя на пенсию, уехал с мачехой на ее родину в Рыбинск. Виктору досталась квартира, на которую они обменяли бабушкин дом, и он стал жить, как и мечтал, “отдельно от родителей”. Быстро женил-

ся, быстро завел ребенка. Быстро все потерял. Теперь в этой хрущевской трешке, отремонтированной и обставленной “на европейский манер”, обитал его двойник.

– Батя, нам надо поговорить, – начал Виктор и потерялся. Отец был уже стар и вряд ли мог чем-то помочь, кроме того факта, что оставался собственником жилья. Но где гарантия, что Фантом уже не “обработал” его?

– Что у тебя с голосом, сынок, приболел? Вчера такой бодрый был? – равнодушно говорил отец. “Так и есть, звонил” – подумал Виктор и для подтверждения бросил:

– Ну что там с квартирой?

– Да что, вот Мария Петровна вернется, тогда и поговорим, – еще спокойнее протянул отец.

– Ну хорошо, я позвоню, будь здоров! – Виктор сбросил звонок.

Значит, он уже действует, наверняка нанял адвоката и теперь ищет возможность встречи с отцом.

В девятом классе у Вити стал ломаться голос. Позже, чем у других мальчишек в его и в параллельном классе. Даже в восьмом пацаны уже говорили баском. Его же фальцет не давал ему покоя. Он разрабатывал по утрам низкие ноты, которые к приходу в школу пропадали, и Виктор снова начинал “пищать, как мальчишка”. Всем становилось заметно, как он старается говорить низко, и постепенно стали передразнивать. От этого Витя еще больше комплексовал, дошло до того, что он перестал говорить вовсе, начав писать записки. Но

если его вызывали к доске, приходилось отвечать, и в классе летали смешки от парты к парте. Учитель делал замечания, но потом все понял и даже улыбнулся сам:

– Садись, Гульнёв, достаточно басить, четыре.

Из всех одноклассников самым подлым, как считал Виктор, был Лешка Курочкин, Курица. Он постоянно цеплялся, устраивал хохмы, вызывая восторг у той, к кому Виктор был тайно равнодушен – у Лоры Красоткиной.

Лора была первой красавицей в классе. Да что там, в школе! Мальчишки ходили за ней следом, как цыплята ходят за курицей, но Лора была окружена кортежем из подружек, которые хихикали, строили глазки мальчишкам, озаренным светом звезды первой величины. Витя любил Лору издали, никогда не заговаривал с ней сам, а если она спрашивала его о чем-то, например, о решении трудной задачи по геометрии, Витя краснел и дрожавшим голосом объяснял решение.

Однажды его посадили рядом с ней на один только урок, и эти сорок пять минут, казалось, были самым счастливым мгновением в его жизни. Он сидел, выпрямившись, как спинка стула, с холодными и влажными от волнения руками, вдыхал едва уловимый аромат ее простеньких духов и слегка косил на ее ушко в черном завиточке волос и на тонко очерченный профиль в свете окна.

Это был последний урок, урок географии, и Витя набрался храбрости и подсунул Лоре под локоть свернутую в трубочку записку: “Я тебя провожу”. Буква “п” была с ле-

вой ножкой и очень смахивала на “л”. Лора была девушкой неглупой, и повернулась к нему, сказав чуть слышно: “О-кэй”. Сердце у Виктора заколотилось так, что он уже рад был и не провожать – после этого согласия он и так на седьмом небе от счастья! Тем более, что после урока за ними увязалась целая кавалькада – Лорины подружки, Курочкин со товарищи и еще какая-то мелюзга из седьмого-Б. Никто не смел приблизиться, пока Лора в сопровождении робкого кавалера не вошла в свой подъезд. Дальше началось страшное.

С фингалом и припухшим подбородком Витя сидел в ванной, прижимая разбухшие части такого ненавистного ему теперь лица к крану с холодной водой. “Был бы у меня брат...” – думал он с горечью, понимая, что сам никогда не отомстит Курочкину, у которого уже такой взрослый голос и крепкий кулак.

5

Сначала его никто не видел, потому что он жил только в сознании Виктора. Да, иногда они разговаривали, но чаще ему приходилось выслушивать жалобы и нытье. Фантом не был совестью. Совесть жила ниже, в сердце, кажется. Себя он ощущал в голове, в бицепсах, небольших, но круглых, как теннисные мячи. Когда Виктор стоял перед зеркалом и качал попеременно две трехкилограммовые гантели, Фантом видел себя в зеркале, угадывая над худощавым и угловатым си-

луэтом хозяина свои очертания – мощную, точеную, неукротимую пирамиду торса, волевое, непреклонное лицо, сильные, перетянутые мышцами руки. Фантом старался изо всех сил, подталкивал Виктора изнутри, заставлял бороться с болью за каждое следующее повторение, диктовал – ты должен быть сильным, ты должен постоять за себя в следующий раз.

У Виктора ничего не получалось. Его воли хватало на месяц, максимум на два, потом он перегорал. Гантели пылились под батареей, боксерские перчатки и груша, которые он выпросил у отца, перекочевали в гараж. Фантом в такие дни словно умирал. Проклятый возраст, думал он, пока Виктор безвольно лежал на диване и читал “Мастера и Маргариту”, вдохновляясь уже не плакатами с мужественным Рэмбо или Терминатором, а проделками Коровьева и Бегемота, могуществом Воланда, тайною силой Мастера и самой Маргаритой.

Тогда Фантом начинал проявляться:

– Чего лежишь, не видать тебе никакой Маргариты, если будешь лежать, как тюфяк.

Повторяя это несколько раз, Фантом сбивал мысль Виктора с чтения и, в конце концов, достигал цели – книжка ложилась на тумбочку в виде расправленной бабочки, корешком вверх, Виктор одевался и шел на улицу играть в футбол.

Фантом подначивал и провоцировал Виктора в любой ситуации, когда его, Фантомово, самолюбие случалось кому-нибудь задеть. Однажды Курочкин, для хохмы, подсунул

ему наполненный водой футбольный мяч. Виктор, ничего не подозревая, разбежался, чтобы пробить в девятку – была такая игра, когда на площадке не набиралось хотя бы дюжины пацанов для полноценного футбола. Играли в “девятку” или “в одни ворота”. Все были “в курсе” и ждали зрелища. Неожиданно вратарь, Мишка Саночкин, самый тихий мальчишка в их дворовой команде, выскочил навстречу и кинулся набегавшему Виктору под ноги. Он упал как раз на этот тяжелый, как валун, мяч. Ничего не произошло, и даже не досталось Мишке от Курочкина, тогда, может быть, Виктор и заступился бы за товарища. Но Фантом требовал отщения. У Виктора затряслись колени, в груди словно застрял снежок. Руки сами собой согнулись в локтях, и Фантом бросился на своего извечного врага. В тот день Виктор снова получил в глаз, но и сам изрядно потрепал и исцарапал Курочкину лицо. Растаскивали их всей командой – подоспели даже те, кого ждали для большой игры. Но после этого случая Фантом с удовлетворением отметил, что шутки Курочкина сошли на нет. Виктор же, кажется, ничего не заметил, продолжая сторониться своего давнего недруга. Перейдя в десятый класс, он засел за учебу с неожиданным рвением, но секрет был прост – Фантому во что бы то ни стало захотелось поступить в престижный ВУЗ. Виктору же казалось естественным желание получить отсрочку от армии. На время Фантом был забыт...

Виктор доехал до Рыбинска на электричках. Без паспорта и денег. С отцом он не договорился, а решил приехать наугад, наудачу. Он помнил его адрес, но нашел не сразу – небольшой старинный дом на другом берегу Волги. Когда он постучал в калитку железным кольцом с набалдашником, со двора послышался лай собаки и хриплый, курильщицкий кашель отца. Старик утихомирил дворнягу и отворил дверь.

– Батя! – он хотел было кинуться к отцу, но тот отпрянул, не узнавая сына. Из-под кудрявых седых бровей он строго смотрел на Виктора.

– Виктор? – отец снял рукавицу и потер тронутые катарактой глаза. Подал сухую, прохладную ладонь, в которой уже не осталось былой силы.

В стороне рядом с кучей дров стояла чурка с воткнутым в нее топором. Отец колот дрова.

– Бать, колун есть? – Виктор попробовал пальцем щербатое лезвие старенького топора.

– Колун тебе... Работай топором. Плохому, знаешь, танцору, всегда яйца мешают. – Батя забрал топор, поставил полено на чурку и, коротко замахнувшись, расколол березовое полено пополам.

– Во как, понял?

Виктор видел, что батя уже не тот.

– Ну ладно, пойдём в дом, замерз ведь.

Мария Петровна была, наверное, ему хорошей женой – Виктор с завистью отметил простенькую, но чистую и уютную обстановку, все стояло на своих местах и словно несло на себе отпечаток заботливых рук. В который раз он попытался побороть в себе ревность и за себя, и за покойницу мать, и не смог. Вот батя – вроде бы свой, но нет, тогда, в детстве, это был другой человек, суровый, сильный, уверенный в своей правоте. Теперь в этом сухом, сутулом старике осталась только повадка и ничего более. И все же это был отец, его, Виктора, живой отец. Пока мачеха в отъезде по каким-то делам, Виктору способнее было переговорить с батей о квартире. Но он не знал, с чего начать.

– Что-то ты неважно выглядишь, сынок, – сказал отец, внося огромную сковороду с дымящейся яичницей. – Садись. Будешь? – и батя заговорщически подмигнул. Виктор подумал и согласился. Старик повеселел, подошел к буфету и достал две граненые рюмки на ножках. Затем открыл холодильник и вынул начатую бутылку. Виктор давно не пил и уже после первой рюмки “поплыл”.

– С холодка, – объяснил он отцу, когда тот обратил внимание на его быстро покрасневшие щеки.

Не родным был этот дом для Виктора, но после третьей он уже совсем размяк, опустился на спинку стула и в полудреме слушал рассказы отца о том о сём.

Закончив школу, Виктор расстался со всеми своими друзьями с их шутками-издевками, с мечтами о Лоре Красоткиной, которая то ли из любопытства, то ли из жалости держала его на коротком поводке, никогда не переходя установленную ей черту, как опытная дрессировщица. Он поступил в институт и с головой углубился в учебу. В группе он прослыл “ботаником”, не участвовал ни в тусовках, ни в походах, только в спортивных мероприятиях и поездках на практику, а также стал стройотрядовским активистом. Так незаметно пролетели два курса, а на третьем, когда снова пришли долгожданные зимние каникулы, он в первый раз за эти годы огляделся вокруг и увидел, что мир прекрасен – снег, солнце и такое забытое ощущение приближающейся весны. Последнюю субботу перед третьим семестром студенты решили отметить и назначили сейшн на хате у Лены Рябинкиной. “Рябинка” – так ласково называли ее в группе – не была красавицей, но было в ней что-то от кошки – манера говорить, грация. Впечатление усиливало ее необычное лицо – треугольное, с небольшим подбородком, широкой переносицей и линией серых глаз с особым, миндалевидным изгибом. При высоком для девушки росте – за метр восемьдесят эта ее кошковость была благородной – не как у домашней кисули, а как у большой, иногда грозной пантеры. Но из-за ее высокого роста кавалеры к ней не подходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.